

С.П. Мельгунов

Легенда о сепаратном мире

(Канун революции)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

- C11 **С.П. Мельгунов**
Легенда о сепаратном мире: (Канун революции) / С.П. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 502 с.

ISBN 978-5-458-55522-7

Данная книга является первой книгой трилогии "Революция и царь", куда входят и книги "Мартовские дни 1917 года", "Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки". Мельгунов еще в 1930-е годы подробно описал, какая паутина заговоров плелась в России против Николая II и какую роль играли в них масоны. Но он не касался вопроса о тех мифах и легендах, которые сформировались в российском обществе не без участия этих же самых заговорщиков и которые сыграли заметную роль в будущем крушении монархии. Этой теме он и посвятил свой труд "Легенда о сепаратном мире". Работая над ним в годы Второй мировой войны, последний раз он исправил и дополнил рукопись летом 1955 года. Впервые книга увидела свет в 1957 году, уже после смерти историка. Мельгунов поставил перед собой задачу разобраться в том, имела ли под собой эта легенда хоть какое-то основание, откуда она появилась, как распространялась и какую роль играла в борьбе политических сил накануне Февраля. До 1988 г. это издание было запрещено к ввозу и распространению в СССР. Экземпляры этого издания отсутствуют в некоторых крупнейших российских библиотеках.

ISBN 978-5-458-55522-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II. Мираж сепаратнаго мира	Стр. 306
III. "Марксистская" концепція	314

Глава одиннадцатая. НА ПЕРЕПУТИИ.

I. "Тяжелые дни"	317
1. Отставка Штюрмера	317
2. Кандидатура Григоровича	323
3. Борьба за Протопопова	326
II. Новый премьер	329
1. Обструкция в Думѣ	329
2. Декларация Трепова	335
III. Приказ 12 декабря	339
1. "Свободная Польша"	339
2. Война до побѣды	342
3. Военное положеніе Россіи	346
4. Грядущій мир	349
5. Вариант легенды	353

Глава двѣнадцатая. В АТМОСФЕРѢ ДВОРЦОВЫХ ЗАГОВОРОВ.

I. Укоренившаяся клевета	355
II. Убійство Распутина	367

Глава тринадцатая. «МОГУЩЕСТВЕННЫЙ СИНДИКАТ».

I. "Зеленые"	379
II. Признанія Протопопова	389
III. Царская "прихожая"	393
1. "Другиня" Распутина	394
2. "Русскій Ракомболь"	395
<i>В Батюшинской комиссіи. (Дѣло Рубинштейна)</i> ..	398
<i>Процесс шантажиста</i>	403
3. "Адъютант Господа Бога" (Изобличитель "не- правды")	406
<i>Травля Сухомлиновых</i>	411
<i>"Поклонникъ Германіи"</i>	415
4. Лучшій из евреев	419
IV. Закулисные дирижеры	420
<i>Квартет Палеолога</i>	420
<i>Банкир Манус и фл.-адъют. Саблин</i>	424
<i>Банковскій центр</i>	430

	Стр.
Глава четырнадцатая. «COUP D'ETAT».	
I. Послѣднія рѣшенія	437
1. Третички мира	437
2. У шталмейстера Бурдукова	440
3. Хиромант Перрен	442
II. Реакціонная диктатура	450
1. “Записки” Говорухи-Отрока и др.	450
2. Отношенія к войнѣ	455
III. Три пути	459
1. Политика компромисса	459
2. Психологія Царя	463
3. Совѣты со стороны	465
4. Проект манифеста	471
5. Заколдованный круг	479
IV. Канун революціи	484
1. В Государственной Думѣ	484
2. Заговорщики 24 февраля	492
Заключеніе	494
Использованная литература	497

ВВЕДЕНИЕ

В Чрезвычайной Следственной Комиссии, созданной в мартѣ 1917 года Временным Революционным Правительством для разслѣдованія “преступленій” дѣятелей стараго порядка, имѣлось и слѣдственное дѣлопроизводство о носителях верховной власти, сошедшей послѣ февральскаго государственнаго переворота с исторической сцены*). Непосредственно Чр. Слѣд. Комиссія никогда не разсматривала дѣла о монархѣ или его женѣ хотя бы в предѣлах собраннаго слѣдователями матеріала примѣнительно к ст. 108 Угол. Ул., которая предусматривала деликты, характеризуемые словом “измѣна”, т. е. тѣм словом, которое было перед революціей даже в отношеніи верховной власти на устах многих не только в обывательской массѣ, но и среди политических дѣятелей.

В вводных главах своей книги “На путях к дворцовому перевороту”, характеризую общественную психологію того времени, я старался показать, как параллельно с ростом военных неудач на фронтѣ и обнаружившейся неподготовленностью Россіи к войнѣ, разсѣивалась атмосфера “общаго единенія” с лозунгом “Царь и народ” и патриотическими манифестаціями, захватившими и среду интеллигенціи. Шовинистическій угар, всегда далекій от подлиннаго и здороваго націонализма, породил своего рода психоз шпиономаніи, на почвѣ которой выросло традиціонное, но не имѣвшее конкретнаго содержанія слово “измѣна”. Этот подлый термин давно слѣдовало бы совершенно исключить из политическаго лексикона, ибо он рѣшительно препятствует объективной оцѣнкѣ подлиннаго отношенія современников к войнѣ**). В условіях русской дѣйствительности 1915-16 г.г. общественная политика, претендовавшая на безошибочное опредѣленіе національных интересов страны в соответствии со своей догмой, легко сдѣлала “измѣну” синонимом идеи “сепаратнаго мира” и зачисляла в ряды “пораженцев” всѣх тѣх, кто имѣл смѣлость говорить во время войны, по выраженію дневника писательницы Гиппіус, что-либо другое, кромѣ “полной побѣды”. Отсюда был один только шаг для созданія легенды о подготовкѣ в Россіи правительственными кругами сепаратнаго мира съ Германіей — легенды, которая получила самое широкое распространеніе наканунѣ революціи.

*) См. главу «Муравьевская Комиссія», в моей книгѣ «Судьба им. Николая II послѣ отреченія».

**) В какія уродливыя и безобразныя формы может выливаться слишком широкое примѣненіе подобной терминологіи, мы могли видѣть на практикѣ в дни второй міровой войны в такой, казалось бы, передовой и внѣшне демократической странѣ, как Франція.

Умирающий Витте не был, конечно, одинок в рядах правившей бюрократии, когда считал войну с Германией “безумной” и говорил о необходимости ликвидировать возможно скорее “нелѣзную авантюру” — это сказал он французскому послу в Петербургѣ Палеологу еще при возвращеніи своем из Биаррица ранней осенью 14 года. Витте считал, что разгром Германіи неизбежно повлечет за собой превозглашеніе республиканскаго принципа в Центральной Европѣ, что означало ликвидацию монархіи в Россіи. В Германіи он видѣл естественную союзницу Россіи. По его мнѣнію лишь тройственное франко-германо-русское соглашеніе может гарантировать предотвращеніе европейской катастрофы*). Витте, очевидно, не скрывал своих мнѣній — недаром французскій посол жаловался министру ин. д. Сазонову на “интриги” Витте в пользу мира и настаивал даже на исключеніи бывшаго предсѣдателя правительства из состава членов Государственнаго Совѣта**).

Нѣмецкіе мемуаристы-дипломаты в среду противников войны перед катастрофой зачисляли Коковцева и Кривошеина, также считавших, что война может закончиться гибелью “трех великих династій”. “Германофилом” в этом отношеніи был и кн. Оболенскій, обер-прокурор Синода в кабинетѣ Витте и автор манифеста о политических свободах 17-го октября 1905 г. (свидѣтельство Гурко). Набоков (дипломат) вспоминает, как член Гос. Совѣта, бар. Розен, бывшій русскій посол в Вашингтонѣ, в Лондонѣ в 16 г. с “горячей убѣжденностью” доказывал ему, что “Германію побѣдить нельзя”, что всѣ “мечты о Константинополѣ — мираж” (“глупость”, по выраженію Витте), что союз Россіи с Англіей и Франціей “фатальная ошибка”, и что “Америка права, воздерживаясь от участія в безсмысленной бойнѣ, которая ни къ чему, кромѣ крушенія Европы, привести не может”. Это был человек, в котором Набоков “цѣнил и уважал живость ума, огромный опыт и убѣжденность”. Позже Розен выступил в печати и издал свои воспоминанія.

Возможно, что всѣ подобныя оцѣнки, реалистичныя в своей основѣ, могли быть глубоко ошибочны и даже наивно непредусмотрительны. Онѣ были популярны до войны в консервативных кругах — припомним извѣстную записку Дурново (февраль 14 г.) о противоестественности для Россіи союза с демократической Антантой. Думскій “златоуст”, депутат В. Маклаков с тѣм же искренним упорством будет говорить с кафедры Гос. Думы 3 ноября 16 г., что русскій народ никогда не простит мира позорнаго — мира вничью. Маклаков вѣсѣлъ с тѣм был убѣжден, что будущій мир сдѣлает такую Европу, что война будет невозможна (рѣчь в петербургской городской Думѣ 3 мая 16 года на чествованіи французских делегатов Вивіани и Тома). Очевидно, однако, что в разсужденіях хотя бы Розена не было признаков того

*) По словам кн. Жевахова, будущаго тов. обер-прокурора Синода, старшій Витте (он с ним встрѣтился в момент объявленія войны при возвращеніи в Россію через Италію) так был взволнован нараставшими событіями «безсмысленной войны», влекущей за собой революцію в Германіи, а потом в Россіи, что «расплакался, как ребенок».

**) Очень, конечно, сомнительна информация Палеолога о том, что Витте в своей агитации доходил до таких предѣлов, что в декабрѣ посѣтил японскаго посла с цѣлью предупредить его об опасности послышки японских войск на континент в виду неизбежности побѣды Германіи. Это Палеолог записал со слов виконта Монтоноги через два года.

“измѣническаго” элемента, который с такой убѣжденностью изыскивали во время войны обостренныя націоналистическія чувствованія. Если одних ход войны взвинчивал в сторону настроеній Маклакова, то других, независимо от антантофильства или германофильства, должен был толкать к пессимизму Розена.

Страна, дѣйствительно, не может идти на самоубійство во имя выполнения принятых на себя союзных обязательств. Исторія послѣдних двадцати пяти лѣтъ*) с чрезвычайной наглядностью подтвердила правильность тезиса, нѣкогда выставленнаго реальным политиком Бисмарком — рыцарская жертвенность несовмѣстима с національными интересами уже в силу того, что международная политика, даже облеченная в форму отвлеченных принципов права и свободы, руководится до днесь в большей степени реалистическими соображеніями національнаго эгоизма. Совсе не надо быть “марксистом”, прошедшим большевизскую школу, для того, чтобы признать неизбежность подобнаго утверженія: автократическіе режимы и режимы демократическіе мало в чем отличаются в этом отношеніи. Война 14 г., положившая начало европейской катастрофѣ, дает безконечное количество примѣров. Подневныя записи французскаго посла Палеолога и дневник нашего министерства ин. д. (составлен, очевидно, начальником канцеляріи бар. Шиллингом) непосредственно вводят нас в эту дипломатическую кухню, гдѣ каждодневно дѣлится шкура не убитаго еще медвѣдя, гдѣ выдают “призы” за участіе в мировом катаклизмѣ, компенсируют территориальными приобрѣтеніями возможных союзников в борьбѣ (как то было на Балканах) и т. д. Трудно найти болѣе яркую иллюстрацію, чѣм ту, которую представляет обращеніе бельгійскаго посланника 17-го іюля 15 г. в русское министерство ин. д. за поддержкой против домогательства Франціи присоединить к себѣ в будущем Люксембургское герцогство, т. е. тот Люксембург, грубое нарушеніе нейтралитета котораго нѣмцами вызвало в началѣ войны всеобщее общественное негодованіе и сдѣлало маленькую герцогиню с ея символистическим протестом даже героиней дня**).

В плоскости этих грубых матеріальных отношеній и надлежит разсматривать вопрос о сепаратном мирѣ — зарожденіе мысли в нѣкоторых общественных кругах о необходимости выхода Россіи из войны. Стоя ли однако перед Россіей этот вопрос в сознаніи посетителей верховной власти? Если вслушаться в рѣчи оппозиціонных режиму революціонных политиков, то может показаться на первый поверхностный взгляд, что страна, дѣйствительно, находилась на краю пропасти. Такое настроеніе символистически можно представить словами будто бы сказанными лидером “октябристов” Гучковым в августѣ 15 г. — с большим волненіем и со слезами на глазах: “Россія погибла. Нѣтъ больше надежд”. Так вновь записал Палеолог со слов Брианчинова, говорившаго ему о государственном переворотѣ, как о послѣднем шансѣ спасенія. В таких же выраженіях секретные агенты

*) Книга моя писалась в годы послѣдней войны.

**) Бельгійскій посланник сообщил лишь о «слухах», идущих от вліятельных французских кругов и обезпокоивших его правительство, так как они противорѣчили заявленіям президента Пуанкаре, сказавшаго «однажды» бельгійскому послу в Парижѣ, что он признает давнишнія права Бельгіи на это герцогство, оторванное от нея в 1839 г.

передавали и впечатлѣнія виднаго промышленника Рябушинскаго послѣ побѣды на фронтѣ: “Россія на краю гибели: еще немного и будет поздно”. Много раз нам придется отмѣтить, что подобный пессимизм, вызванный обостренным чувством современников и, вѣроятно, преувеличенный в бесѣдѣ с французским послом, не соответствовал реальной обстановкѣ. Во всяком случаѣ он был совершенно чужд имп. Николаю II вплоть до трагическихъ дней предреволюціонныхъ дней: ему всегда казалось, что в Россіи все в общемъ благополучно: “единственное исключеніе — как выразился он в письмѣ къ жещѣ 9 сент. 15 г. — составляютъ Петроград и Москва — двѣ крошечныя точки на картѣ нашего отечества”. При такомъ воспріятіи не могла в мозгу родиться даже мысль о сепаратномъ мирѣ — “позорномъ” для престола верховной власти, которой руководитъ Божественное Провидѣніе. В мистической концепціи имп. Александры Федоровны, сливавшей національный интересъ с династическимъ, честь и “прерогативы самодержца” стояли еще выше: “Это должна быть *твоя* война, *твой* мир, слава твоя и нашей страны”, — писала ова 17 марта 16 г.

И тѣмъ не менѣе вокругъ этихъ именъ сплелась паутина сепаратнаго мира. Чрезв. Слѣд. Комиссія должна была в ней разобраться; поскольку данныя о ея работѣ опубликованы, можно сказать, что она не сумѣла этого сдѣлать — можетъ быть, и не могла. За нее произвелъ такую работу совѣтскій историкъ Семенниковъ, пользуясь в значительной степени тѣмъ “романовскимъ архивомъ”, который фактически былъ в распоряженіи Чр. Слѣд. Ком. Семенниковъ собралъ почти исчерпывающій матеріалъ о сепаратномъ мирѣ в дореволюціонное время*). Ниже мы отмѣтимъ ту группу матеріаловъ (скорѣе пока еще намеки), которую изслѣдователь оставилъ совершенно в сторонѣ и, очевидно, сознательно — но, конечно, далеко не со всѣми его выводами, подчасъ слишкомъ прямолинейными и ужъ догматическими, можно согласиться: точнѣе из матеріаловъ, собранныхъ авторомъ в общемъ добросовѣстно, слѣдуютъ выводы противоположныя.

По существу миѣ нечего добавить къ итогамъ о “сепаратномъ мирѣ”, подведеннымъ в моей книгѣ “На путяхъ къ дворцовому перевороту”. По отношенію къ Царю и Царицѣ дореволюціонная легенда должна быть отнесена къ числу грубыхъ и сугубо несправедливыхъ клеветъ, демагогически использованныхъ в свое время в политической борьбѣ с режимомъ; никакихъ шаговъ къ заключенію сепаратнаго мира царское правительство не дѣлало; никакихъ центровъ или организованныхъ общественныхъ группъ, осуществлявшихъ заранѣе установленный планъ заключенія мира с Германіей в дореволюціонное время не существовало, и никакихъ отвѣтственныхъ переговоровъ за кулисами по этому поводу не велось. Естественно, что индивидуальныя миѣнія — ихъ можно, конечно, зарегистрировать — поскольку они не выходили за предѣлы частныхъ разговоровъ в данномъ случаѣ насъ интересовать не могутъ.

Когда признанный вождь тогдашней “революціонной демократіи” Черетеллі в 17 году на августовскомъ Государственномъ Совѣщаніи в

*) В книгѣ «Политика Романовыхъ» и «Крушеніе монархіи». В эмигрантской литературѣ материалы и выводы Семенникова изложилъ Черновъ в своемъ трудѣ «Рожденіе революціонной Россіи», пользуясь однако позднѣйшимъ сокращеннымъ изданіемъ первой книги Семенникова «Романовы и германское вліяніе».

Москвѣ говорил: “если бы не было революціи, был бы сепаратный мир” — он безответственно повторял лишь стоустую, ходячую, дореволюціонную молву. К сожалѣнію, через много лѣтъ в эмиграціи, игнорируя опубликованные нынѣ матеріалы, повторил эту легенду на одном из своих публичных выступленій Керенскій, бывший генерал-прокурор Временнаго Правительства перваго состава, подлинный творец Чр. Сл. Комиссіи, занявшій затѣм пост главы государства. Член того же коалиціоннаго правительства, при котором разсматривалось царское дѣло и рѣшалась судьба бывших вѣнценосцев, в своей книгѣ о происхожденіи революціонной Россіи без критики подошел к матеріалам и выводам совѣтскаго изслѣдователя. Книга Чернова появилась в 34 году. Очевидно, не удалось еще окончательно похоронить в сознаніи современной нам общественности старый миф — так силен еще дореволюціонный гипноз. Приходится поэтому полностью пересмотрѣть тѣ факты, на основѣ которых обывательскую легенду все же пытаются превратить в историческій факт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРОБНЫЕ ШАРЫ НѢМЦЕВ

Поставим себѣ задачу критически просмотрѣть в большем или меньшем хронологическом порядкѣ имѣющіяся в нашем распоряженіи данныя, на которых базируется легенда о подготовкѣ верховной властью сепаратнаго мира с Германіей. Обзорѣніе это надо начать с неофициальных предложеній, шедших из вражескаго лагеря и имѣвших цѣлью закулисными переговорами добиться выхода Россіи из международной игры. Инициатива такого планомѣрнаго натиска исходила, если и не непосредственно от германскаго верховнаго штаба, то встрѣчала, очевидно, его полное сочувствіе.

1. — Русская посредница.

(Письма Васильчиковой).

Русское общество, питавшееся во время войны в значительной степени слухами, до прославленной рѣчи Милокова в Гос. Думѣ 1 ноября 16 г., знало только об одном фактѣ — о пріѣздѣ в Петербург в декабрѣ 15 г. из Австріи фрейлины Васильчиковой, выступившей в изображеніи тогдашних газет в роли передатчицы предложенія о сепаратном мирѣ. В дѣйствительности же этому пріѣзду предшествовали три письма Васильчиковой, обращенныя к Государю, — два из Австріи, 28 февраля и 17 марта, и третье 27 мая из Берлина. В первом Васильчикова в самых общих чертах писала, что ее посѣтили три вліятельных лица (два нѣмца и один австріец), не принадлежавшія къ составу дипломатическаго корпуса, но находившіяся в сношеніи с царствовавшими представителями Австріи и Германіи. Эти люди просили довести до свѣдѣнія Царя ту бесѣду, которую они имѣли с находившейся болѣе или менѣе в “плѣну”, в своем имѣніи в Земмерингѣ близкой русской царской семьѣ фрейлиной. Васильчикова обращалась къ русскому царю (“сильнѣйшему властителю”), как къ инициатору Гаагскаго мирнаго конгресса, с призывом своим “могучим словом” остановить пролитіе крови, пока еще воюющія стороны находятся в одинаковом военном положеніи. Она писала, что ни в Австріи, ни в Германіи нѣтъ “никакой ненависти против Россіи”, и что на ея вопрос о Дарданеллах собесѣдники отвѣтили: “стоит русскому царю пожелать, проходъ через проливы будет свободен”*). 17-го марта по просьбѣ тѣх

*) Письмо Васильчиковой косвенно как бы подтверждало информацию, полученную в Петербургѣ мин. ин. дѣл еще в декабрѣ. Так Сазонов тогда телеграфировал русскому послу в Парижѣ Извольскому: «Сюда также до-

же лиц Васильчикова вновь повторяет содержание первого письма, не будучи уверенной в том, что письмо дошло по назначению. “Мы просим русского Государя, не побужденного, а победителя (послѣ взятія Пржемышля) в качествѣ такового произнести слово мир, и ему пойдут всячески навстрѣчу — и вопрос о Дарданеллах будет рѣшен, конечно, не в пользу Англіи, а Россіи” — передавала Васильчикова слова своих собеседников. Перед тѣм она сообщила, что из “секретнѣйшаго источника известно, что Англія намѣрена себѣ оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар”...

27-го мая, т. е. больше чѣм через два мѣсяца, Васильчикова писала уже из Берлина, что ее посетил министр ин. д. фон Ягов, который она давно знает, и который просил ее сообщить Царю, что Германия “искренне желает прекратить войну”: мир “вопрос жизни и смерти для обѣих стран”. “Оба соседніе царствующіе дома должны поддерживать свои старыя монархическія и дружественныя традиции”. Продолженіе войны считают здѣсь “опасным для династїи”. Политическими заправителями войны являются франкмасоны, радикалы и tutti quanti, цѣль которых низвергать троны. Россія выиграет гораздо больше, если она заключит “выгодный мир” с Германіей, даже и в вопросѣ о Дарданеллах, ибо Англія, “несмотря на все свои обѣщанія”, никогда не позволит оставить Константинополь во власти Россіи. Свидѣвшись с находившимся в плѣну племянником, Милорадовичем, Васильчикова с его слов передавала, что англичане, не стѣняясь, говорят, что “как только будет мир, мы немедленно заключим союз с Германіей, чтобы напасть на Россію”. (Не даром Хомяков говорил про Англію — “коварный Альбион”). Васильчикова видѣлась с вел. герцогом Гессенским: “Липнее говорить, — добавил автор письма. — е какой любовью он говорил про Вас и Императрицу и как искренне он желает мира и как радовался, что ф. Ягов рѣшился со мной высказаться”. “Это письмо будет доставлено в Царское Село, — заключала Васильчикова — и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственныя руки Вашего Величества. Смѣю просить приказать миѣ дать отвѣтъ, который могу передать ф. Ягову. Я буду его здѣсь ждать, а потом, увы, должна вернуться в Klein Vortenstein, который до окончанія войны не имѣю права покинуть. Если Ваше Величество рѣшит с высоты Вашего престола произнести слово мир, Вы рѣшите судьбу народов всего міра, и если Вы пришлете доверенное лицо, одновременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров”.

На первыя два письма Васильчикова не получила никакого отклика, — это ясно из ремарок третьяго письма. Ясно и то, что не реагировали и на третье письмо, так как прїѣзд Васильчиковой в Петербург

ходят слухи о возможной попыткѣ Австріи заключить отдѣльный мир, но пока эти слухи еще весьма неопредѣленны, и их подтвержденіе представляется гадательным. Во всяком случаѣ почин подобных переговоров должен принадлежать Австріи, и нам необходимо будет выслушать ея предложеніе прежде, чѣм установить наши условія». Иностранные дипломаты спѣшили предупредить событія, и греческій посланник в Петербургѣ в концѣ того же декабря, со слов своего сербскаго коллеги, сообщал в Афины Вензелосу, что в Ставкѣ в связи с прибытіем председателя Совѣта министров Горемыкина происходило обсужденіе вопроса о сепаратном мирѣ с Австріей, по условіям котораго Россія получала Галицію и проливы.

произошел больше, чѣм через полгода и связан был со смертью ея матери. На основаніи царской интимной переписки можно утверждать лишь одно — первое письмо, адресованное через Ал. Фед., дошло по назначенію. В письмѣ 9 марта Ал. Фед. писала мужу в Ставку: “По-сылаю тебѣ письмо от Машни (из Австріи), которое ее просили тебѣ написать в пользу мира. Я, конечно, больше не отвѣчаю на ея письма”. Никаких дальнѣйшихъ комментариевъ нѣтъ в письмѣ, гдѣ выражается восторг по поводу взятія Перемышля: “Я так счастлива за тебя”. “Хорошо представляю себѣ всеобщій восторг и благодарность” — шлет Царица дополнительную телеграмму, передающую и ея собственное повышенное настроеніе*). Важно отмѣтить, что имп. Николай II, вопреки существующимъ в литературѣ утвержденіямъ, из письма Васильчиковой никакого строжайшаго “секрета” не сдѣлал. Он передал письмо Сазонову, что совершенно опредѣленно подтверждается письмомъ кн. Кудашева (представителя мин. ин. д. в Ставкѣ) Сазонову 25 марта, которое передаетъ разговоръ Кудашева с вел. кн. Ник. Ник.: “освѣдомляя вел. кн. о слухахъ, касающихся мира, Кудашевъ прибавилъ, что Сазоновъ не придалъ “слишкомъ большого значенія” переданному ему Государемъ письму, такъ какъ было слишкомъ много намековъ***). Освѣдомленъ былъ и военный министръ Сухомлиновъ, занесшій в дневникъ 24-го марта, что Вильгельмъ “закидываетъ удочки черезъ лицъ, находящихся за-границей и близкихъ Государю”. Однако Царь “выразилъ твердую рѣшимость довести дѣло до конца и не поддаваться ни на какія уступки”... Освѣдомленъ былъ и русскій посланникъ в Швецію Неклюдовъ.

2. — Х о д я ч а я м о л в а.

(Письмо принца Гессенскаго).

Между третьимъ письмомъ Васильчиковой и ея прїездомъ в Россію прошло чѣльныхъ шесть мѣсяцевъ. За это время были сдѣланы и другія попытки прощупать почву для возможнаго мира между Россіей и Франціей с Центральными Державами. Нас можетъ интересовать лишь то реальное, что направлялось по адресу Россіи. И здѣсь, конечно, останавливаетъ вниманіе письмо принца Гессенскаго к сестрѣ. О немъ А. Ф. сообщила в Ставку мужу 17 апрѣля: “Я получила длинное, милое письмо отъ Эрнн. Онъ пишетъ: “если кто-нибудь можетъ понять его (тебя)

*) Настроеніе самого Царя чрезвычайно отчетливо вырисовалось в отвѣтномъ письмѣ: ...«Паденіе этой крѣпости имѣетъ огромное моральное военное значеніе. Послѣ нѣсколькихъ унылыхъ мѣсяцевъ эта новость поражаетъ, какъ неожиданный лучъ яркаго солнечнаго свѣта какъ разъ в первый день весны! Я началъ письмо в спокойномъ состояніи, но теперь у меня в головѣ все перевернулось вверхъ дномъ... О, моя милая, я такъ глубоко счастливъ этой доброй вѣстью»...

**) Равнымъ образомъ не дѣлалъ Царь секрета изъ «пацифистскаго» письма, полученнаго имъ отъ кн. Гогенлоэ, бывшаго в теченіе ряда лѣтъ военнымъ аташе при австрійскомъ посольствѣ в Россіи и занимавшаго в это время постъ посла в Берлинѣ. Гогенлоэ «внушалъ» Царю мысль послать довѣрительное лицо в Швейцарію для встрѣчи съ эмиссаромъ имп. Франца-Иосифа, такъ легко найти основу для почетнаго мира... Николай II передалъ письмо Сазонову, который и ознакомилъ съ его содержаніемъ французскаго посла Палолога.